

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

О ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПРАВАХ И ДОСТОИНСТВЕ

Протоиерей Александр Задорнов

кандидат богословия, доцент
заведующий кафедрой церковно-практических дисциплин
Московской духовной академии
доцент Сретенской духовной академии
доцент кафедры церковно-практических дисциплин
Общecerковной аспирантуры и докторантуры
им. Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия
141300, Московская область, Сергиев Посад,
Троице-Сергиева лавра, Академия
azadornov@yandex.ru

Для цитирования: *Задорнов А. В., прот.* О человеческих правах и достоинстве // Праксис. 2025. № 1 (18). С. 140–147,. DOI: 10.31802/PRAXIS.2025.18.1.008

Аннотация

УДК 342.7

Концепт прав человека при своём появлении оказался тесно связан с концепцией человеческого достоинства, которую современные исследователи выводят из антропологических представлений ренессансного гуманизма. В данном обзоре рассматриваются новые исследования на эту тему и отмечается общи пессимизм исследователей относительно классической модели прав человека, требующей своей актуализации.

Ключевые слова: практическая теология, философия права, права человека, человеческое достоинство, Д. Пфурдтен, С. Мойн. Л. Хант, М. Одинцов.

On Human Rights and Dignity

Archpriest Alexander Zadornov

PhD in Theology

Head at the Department of Ecclesiastical and Practical Disciplines

at the Moscow Theological Academy

Associate professor of the Sretensky Theological Academy

Assistant Professor of Church and Practical Studies Department

Saints Cyril and Methodius Church-wide Post-graduate and Post-graduate Studies

Academy, Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia

azadornov@yandex.ru

For citation: Zadornov Alexander, archpriest. "On Human Rights and Dignity" *Praxis*, № 1 (18), 2025, pp. 140–147 (in Russian). DOI: 10.31802/PRAXIS.2025.18.1.008

Abstract. The concept of human rights, when it appeared, turned out to be closely related to the concept of human dignity, which modern researchers derive from the anthropological ideas of Renaissance humanism. This review examines new research on this topic and notes the general pessimism of researchers regarding the classic model of human rights that needs to be updated.

Keywords: Practical theology, legal philosophy, human rights, human dignity, D. Pfordten, S. Moyn, L. Hunt, M. Odintsov.

На пороге модерна, поместив человека в ареопагитски-прокловский пантеон, Пико делла Мирандола восклицает: «В конце концов, мне показалось, я понял, почему человек самый счастливый из всех живых существ и достойный всеобщего восхищения и какой жребий был уготован ему среди прочих судеб, завидный не только для животных, но и для звезд и потусторонних душ. Невероятно и удивительно! А как же иначе? Ведь именно поэтому человека по праву называют и считают великим чудом, живым существом, действительно достойным восхищения»¹. Место человека в сотворённом мире — вот основа его достоинства и величия, а также прав на созерцание этого величия и восхищение самим человеком.

Пресловутый ренессансный гуманизм, столь возлюбленный исследователями разного ряда, от советских марксистов до историков оккультизма и ренессансной магии, напрямую predetermined тот концепт «прав человека», который уже через несколько столетий смог обойтись без всей этой «мистической надстройки» и показал свой истинный вид в «духе 1789 года». Посвятивший специальную монографию этой эволюции профессор Гёттингенского университета Дитмар фон дер Пффордтен признаёт, что само по себе человеческое достоинство, хотя в строгом структурном смысле не является необходимым основанием других прав человека, но «в смысле возрастания ценности человеческое достоинство есть основание для признания важности других человеческих потребностей и тем самым других прав человека»².

Это место человеческого достоинства автор демонстрирует с помощью обращения к европейской мысли от эллинов и Цицерона до авторов Всеобщей декларации прав человека и Хартии Европейского союза об основных правах 2000 года. Что касается неевропейской традиции, то здесь немецкий правовед достаточно осторожен, считая, что рефлексия на тему человеческого достоинства — прерогатива греко-латинского, христианско-иудейского и европейского мышления, хотя «во многих международных пактах человеческое достоинство получило всеобщее признание. Таким образом, оно — общее благо всего человечества»³.

Автор предлагает при этом достаточно предсказуемый список правовых и этических коллизий, с помощью которых можно испытать концепт достоинства на прочность и универсальность: необходимо ли пожизненное

1 *Мирандола Пико делла Джованни. Речь о достоинстве человека // Эстетика Ренессанса. Т. I / сост. В. Л. Шестаков. М., 1981. С. 248.*

2 *Пффордтен, Д. фон дер. Человеческое достоинство. СПб., 2025. С. 118.*

3 Там же. С. 63.

заклучение? Можно ли принудительно кормить людей, объявивших голодовку? Может ли государство применять детектор лжи? Можно ли подвергать обстрелу самолёты, захваченные террористами? Позволительно ли менять генетику людей? и т. д. Все эти вопросы по большей части остаются без однозначного ответа, но сам автор считает, что этот ответ должен быть универсальным, то есть быть принятым на уровне всего человечества.

Сама книга Пфурдтена интересна как частный случай исследования того «изобретения прав человека», которому посвящена знаменитая монография Линн Хант⁴, впервые вышедшая уже двадцать лет назад. Во введении автор подробно говорит о том парадоксе «самоочевидности», который демонстрируют авторы Декларации прав человека и гражданина или Всеобщей декларации прав человека, которые, кстати, и объединяют концепты *достоинства* и *прав* человека: «Принимая во внимание, что признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира»⁵. Собственно, монография Хант и должна объяснить, почему именно в эпоху просвещения утверждение о самоочевидности сыграло решающую роль для истории прав человека. Эта самоочевидность проявляется для автора в трёх главных характеристиках: права человека «должны быть *естественными* (присущими человеческим существам), *равными* (одинаковыми для всех) и *универсальными* (применимыми повсеместно). Чтобы права были правами человека, все люди в мире должны обладать ими в разной степени, просто потому что они являются человеческими существами»⁶.

Определяющую роль в подготовке общественного мнения относительно необходимости зафиксировать эти естественные права Л. Хант видит в эмпатии к тем несчастным и обманутым, которые становятся главными героями романов раннего сентиментализма у Руссо; эта эмпатия ввела в разряд *самоочевидности* необходимость отказа от пыток, чему посвящена специальная глава исследования. Характерно, что все виды судебных пыток были отменены во Франции уже через полтора месяца после принятия Декларации прав человека и гражданина. К тому же, благодаря той же эмпатии, преступник должен социализироваться после исполнения наказания, а значит физические увечья и клеймение становятся неприемлемы.

Специальный интерес представляет авторский экскурс в становление прав религиозных меньшинств. Естественным правом является

4 Хант Л. Изобретение прав человека: история. М., 2023.

5 Всеобщая декларация прав человека // Права человека: сборник нормативных актов: по состоянию на 2024 г. М., 2024. С. 3.

6 Хант Л. Указ. соч. С. 16.

право на свободу совести, при этом в ходе дискуссий о правах отдельных религиозных групп во Франции стала очевидной невозможность рассматривать каждую такую группу изолированно от другой. К тому же, законодатели исходили не только из правовых норм, но и проявлению религиозных меньшинств в качестве социальных акторов. Как показывает Л. Хант, статус протестантов смог измениться не только благодаря дискуссии об общих принципах свободы религии, но и из-за активного участия протестантов в жизни Франции на местном и национальном уровнях.

При этом авторский взгляд на итоги укрепления естественных прав, основанных на человеческой эмпатии, достаточно пессимистичен: даже скорость распространения информации о геноциде и попрании прав неспособны служить профилактикой последних. «Несмотря на то, — пишет Л. Хант — что современные формы коммуникации разнообразили способы сопереживания другим людям, они не смогли заставить людей действовать, руководствуясь общностью взглядов и симпатией друг к другу <...> Новые способы достижения эмпатического понимания открыли дорогу сенсационализму насилия»⁷. Более того, сами преступления нового времени сделали тем, что А. Харендт назвала «банальность зла» именно потому, что «теперь каждый мог заявить о себе как о равноправном члене человеческой семьи. Признание этих двойственностей имеет принципиальный характер для будущего прав человека»⁸.

Во многом солидарна с этим позиция профессора юриспруденции Йельской школы права Сэмюэла Мойна в его монографии о правах человека в истории⁹. Автор не останавливается подобно Хант на трансформации одной идеи эмпатии, но продельывает суровую деконструкцию намерений и результатов деятельности социальных реформаторов в области прав человека. Согласно Мойну, из истории прав человека «без труда можно вынести урок о том, что до самого недавнего времени нация-государство — nation-state — воспринималось в качестве наиболее перспективного форума, генерирующего гуманность. Государство было инкубатором, выращивающим притязания на права, как в абсолютистскую эпоху с присущим ей дисциплинарным внутренним порядком и колониальной внешней экспансией, так и после появления современной нации, в которой гражданство и право, идентификация и оспаривание всегда оставались спаянными друг с другом»¹⁰.

7 Там же. С. 245, 248.

8 Там же. С. 248.

9 Мойн С. Последняя утопия. Права человека в истории. М., 2024.

10 Там же. С. 360.

Это к маргинализации в стенах ООН идеи прав человека, к тому же антиколониальное воображение «географически рассеяло» эту идею; в предложенной им интерпретации права человека понимались как инструмент подрыва имперского правления, используемый во имя освобождения народов и строительства новых государств по всему миру. Однако наступивший вслед за тем кризис постколониального мира лишил глобальную экспансию nation-state статуса единственной формулы, по которой в современном мире обеспечивается свобода. Соответственно, права тогда окончательно утратили свою стародавнюю связь с революцией. Главная тенденция в области понимания прав человека в конце XX века — потеря веры в nation-state и исчезновение обещаний преодолеть национальную государственность.

В специальной главе монографии, посвящённой международному праву и правам человека, С. Мойн объясняет этот феномен. Если до конца прошлого века для юристов-международников права человека не были центральной идеей, то «остававшееся раньше периферийным инструментом совершенствования мира, международное право оказалось, вероятно, главным выгодоприобретателем кризиса 90-х годов. После этого модель международного уголовного судопроизводства, неудачно опробованная и фактически отвергнутая после Второй мировой войны, была восстановлена: это стало реакцией на этнические чистки и геноцид в бывшей Югославии и Руанде.

К тому же, права человека стали активно обсуждаться на площадке ООН в связи с началом деколонизации, подтолкнувшей их переосмысление в духе коллективного права на самоопределение. Парадокс, отмечает Мойн, состоит в том, что «из-за этой трансформации значимость индивидуальных прав человека в глазах юристов-международников упала еще ниже. Приоритет самоопределения, постоянно подчеркиваемый на протяжении всего долгого пути к пактам ООН о правах человека, отнюдь не послужил дополнительным аргументом в оправдание долгожданного проекта; напротив, он повлек за собой дальнейшую маргинализацию прав в глазах даже тех специалистов, которые ассоциировали себя с ними»¹¹.

Характерно при этом, что при принятии в 1948 году Генеральной Ассамблеей Всеобщей декларации прав человека, самоопределение вообще не упоминалось (впервые упоминание о «праве» народов и наций на самоопределение появилось в резолюции Генеральной Ассамблеи в 1950 году). Отсюда характерен парадокс: возвышение прав человека в международном праве произошло не по тем причинам, которые

11 *Мойн С. Указ. соч. С. 333.*

предопределялись внутренней динамикой самого международного права как профессии, а в силу идеологических перемен.

«Невозможно, — делает вывод Мойн — изолировать путь закона от его пересечений с общественным действием. Права человека, как и другие подобные нормы, зависели от набирающего силу социального движения, которое предстояло канонизировать юристам, сотворив из него профессиональную идею и дисциплинарный приоритет»¹².

Сегодня международное право превращено в инструмент морального совершенствования, что даёт ему огромную притягательность в качестве опоры для идеалистических устремлений. Но важнее то, подчёркивает С. Мойн, что международное право в итоге смогло выдвинуться на беспрецедентную роль в моральном воображении человечества.

Отмеченный пессимизм в области как теории, так и истории концепции прав человека позволяет задаться вопросом о российском опыте, уже подробно исследованном рядом отечественных историков и правоведов¹³. Сравнение трёх исторических узлов этого опыта на протяжении только четверти века — от Указа об укреплении начал веротерпимости 1905 года через проекты Министерства исповеданий Временного правительства к большевистскому Декрету о свободе совести, церковных и религиозных обществах¹⁴, — даёт представление о том пути, по которому европейское право, фактически, двигалось с 1789 года. Издержки и трудности этого пути — предмет ещё многих исследований и практической работы по его уже всем необходимой коррекции.

В этой связи не следует забывать об официальном документе «Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека», принятом в 2008 году Архиерейским Собором Русской Православной Церкви¹⁵ в развитие основ ее социальной концепции. В его тексте человеческое достоинство анализируется в качестве религиозно-нравственной категории образа Божия, живущего даже

12 Там же. С. 358.

13 См., напр.: *Дорская А. А.* Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века. СПб., 2001.

14 См., напр.: *Одинцов М. И., Кочетова А. С.* Свобода совести в истории России: идеи, законодательные проекты, практическое воплощение: конец XIX — первая четверть XX в. М., 2023.

15 Стоит напомнить и о предшествующей этому документу Декларации о правах и достоинстве человека, принятой X Всемирным Русским Народным собором в 2006 году. См.: Декларация о правах и достоинстве человека // Международная общественная организация Всемирный Русский Народный Собор. Официальный сайт. URL: <https://vrns.ru/documents/deklaratsiya-o-pravakh-i-dostoinstve-cheloveka/?ysclid=mfgxua202h403703452>.

в грешном человеке, а поэтому «человек, носящий в себе образ Божий, не должен превозноситься этим высоким достоинством, ибо это не его личная заслуга, но дар Божий <...> В самом понятии достоинства неотъемлемо присутствует идея ответственности»¹⁶.

Что касается самих прав человека, то церковный взгляд связывает трудности их осуществления с ложностью изначальной цели защитника этих прав, поскольку защищает он не нравственное измерение жизни и свободу от греха (ἐλευθερία), а лишь принципиальную свободу выбора (αὐτεξούσιον). Тем самым эффективность системы прав человека зависит от создания ею необходимых условий для осознания личностью богоданного достоинства, для возрастания и в нём, и в ответственно-сти за свои поступки перед Богом и людьми.

Развитие этих идей поможет выйти из того интеллектуально-го и нравственного тупика, в котором оказалась сегодня рефлексия над правами человека и ответственностью человечества.

Библиография

- Дорская А. А. Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века. СПб.: Изд. РГПУ им. А. И. Герцена, 2001.
- Мирандола Пико делла Джованни. Речь о достоинстве человека // Эстетика Ренессанса: в II т. Т. I / сост. В. Л. Шестаков. М.: Искусство, 1981. С. 248–279.
- Мойн С. Последняя утопия. Права человека в истории / пер. с англ. А. Захарова. М.: Новое литературное обозрение, 2024. (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»).
- Одинцов М. И., Кочетова А. С. Свобода совести в истории России: идеи, законодательные проекты, практическое воплощение: конец XIX — первая четверть XX в. / Российский государственный архив социально-политической истории. М.: РОССПЭН, 2023.
- Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека // Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека. М.: Изд. Московской Патриархии учения Русской Православной Церкви, 2018.
- Пфурдтен Д. фон дер. Человеческое достоинство / пер. с нем., предисл. А. Н. Крюкова. СПб.: Издательство АИК, 2025.
- Права человека: сборник нормативных актов: по состоянию на 2024 год. М.: Эксмо, 2024.
- Хант Л. Изобретение прав человека: история / пер. с англ. Н. Алёшиной. М.: Новое литературное обозрение, 2023.

16 Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека // Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека. М., 2018. С. 139.